

ПОЛИНА К.

Сказки на спицах

Полина Касымкина
Сказки на спицах

«Автор»

2026

Касымкина П. В.

Сказки на спицах / П. В. Касымкина — «Автор», 2026

Бабушка вяжет плед. Двадцать квадратиков, целый год. И на каждый квадратик рассказывает внучке Варе сказку про их двор. Про старую скамейку, которая помнит всех, кто на ней сидел. Про лужу, которая думала, что она море. Про банку малинового варенья, которую берегли на Новый год. Про варежку, потерянную на остановке, и синицу, которая провела в ней ночь. Про сосульку, ледянку, скворечник, качели, которые скрипели сорок лет. Обычные вещи, которые есть в каждом доме. Только у каждой своя история. Смешная, тёплая, иногда грустная, но всегда с хорошим концом. А пока бабушка вяжет, в семье происходит самое главное: Варя ждёт братика. И к последнему квадратику узнаёт, как это, быть старшей. Сказки для чтения вслух детям 5–9 лет. Взрослым тоже будет над чем улыбнуться.

© Касымкина П. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Скамейка у второго подъезда	5
Лужа, которая думала, что она море	9
Метла Рустама Ильдаровича	14
Банка малинового варенья	19
Кошка Дуся, хозяйка двора	24
Варежка на заборе	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сказки на спицах

Скамейка у второго подъезда

В середине сентября бабушка достала с антресолей большой пакет с клубками. Там было всё, что осталось от её вязания за сорок лет: зелёные хвостики от маминого школьного свитера, синие от дедушкиных носков, белые, рыжие, полосатые, и ещё какие-то, про которые бабушка сама уже не помнила, откуда они.

Варя села рядом на диван и стала их перебирать.

– Ба, а что ты будешь вязать?

– Плед.

– Большой?

– Из двадцати квадратиков. Пять в ряд, четыре ряда.

– Это долго, – сказала Варя.

– Долго. До следующего лета.

– А для кого?

Бабушка набрала на спицы первые петли и подумала.

– Пока не знаю. Жизнь подскажет.

Варя посмотрела на неё недоверчиво. Обычно бабушка всё знала заранее: кто когда простудится, где лежат ключи и почему у Вари опять тройка по русскому. Варя в этом году пошла во второй класс, и ей впервые в жизни начали ставить оценки. Бабушка про каждую тройку знала ещё до того, как Варя открывала рот.

– Скучно же целый год вязать, – сказала Варя.

– Скучно, – согласилась бабушка. – Поэтому давай так. На каждый квадратик я буду рассказывать тебе сказку. Про наш двор.

– Про наш двор? – Варя даже фыркнула. – Да у нас во дворе ничего не бывает. Гаражи, качели и Зинаида Павловна.

– Ну-ну, – сказала бабушка. – Это ты просто не смотрела. Вот, например, первый квадратик будет зелёный. Знаешь почему?

Варя знала. Утром дворник Рустам Ильдарович красил скамейку у их подъезда, и вся площадка пахла краской, а Зинаида Павловна со второго этажа ходила вокруг и говорила, что теперь до вечера сесть некуда.

– Из-за скамейки, – сказала Варя.

– Из-за скамейки, – кивнула бабушка. – Вот с неё и начнём. Она у нас во дворе самая старая. Старше твоей мамы. И всех помнит.

Скамейку поставили у второго подъезда в тот же год, когда построили дом. Тогда во дворе ещё не было ни гаражей, ни качелей, а тополя были такие тонкие, что их подвязывали к колышкам. Скамейка была новенькая, жёлтая, из толстых досок на бетонных ногах, и про жизнь не знала ровным счётом ничего.

Узнавать ей пришлось самой. Глаз у скамейки нет, ушей, в общем, тоже. Зато у неё есть доски. И очень скоро она поняла, что люди садятся по-разному, а по тому, как человек садится, про него можно понять почти всё.

Вот, например, Зинаида Павловна со второго этажа садится ровно посередине, сразу всем весом, а сумку ставит рядом, чтобы больше никто не сел. Так садятся судьи и королевы. Скамейка её немножко побаивается.

Рустам Ильдарович садится на самый краешек, на минутку, не больше, и всё время поглядывает по сторонам: не намусорил ли кто. Так садятся люди, которые и на отдыхе всё равно на работе.

Мама маленькой Милы из первого подъезда садится, ставит рядом коляску, закрывает глаза и сидит так ровно три минуты. Скамейка эти три минуты старается даже не скрипеть.

Мальчишки постарше садятся на спинку, а ноги ставят туда, куда положено садиться. На них скамейка ворчит. Особенно на одного, из третьего подъезда, который всё время в огромных наушниках. Правда, этот, уходя, всегда забирает свою бутылку из-под воды, а заодно и чужие фантики. Поэтому на него скамейка ворчит не очень сильно.

А одна девочка с четвёртого этажа сначала забирается на скамейку с коленками, потом сползает, потом садится, потом болтает ногами, потом вскакивает и убегает. От неё скамейка устаёт, но не сердится.

– Это же я! – сказала Варя.

– Не перебивай, – сказала бабушка.

За пятьдесят лет на скамейке пересидело столько народу, что если собрать их всех сразу, они бы во дворе не поместились. И всех она помнит. Не лица, конечно. Вес, тепло, кто как ёрзал, кто что ронял. А ещё у скамейки есть то, что у людей называется памятью, а у скамеек называется надписями.

Надписей на ней набралось много. Их вырезали ножиками, царапали гвоздями, ключами, циркулями. Скамейку много раз перекрашивали, и половина надписей ушла под краску, как уходят под воду старые мостки. Но самые глубокие остались. Их скамейка любила больше всего, потому что за каждой была своя история.

Самая старая была на спинке, с левого края. Сердечко, а в нём две буквы: «Г» и «Н».

Его вырезали летом, очень давно. Тогда в доме до самой ночи горели окна на всех пяти этажах, и никто не сидел в телефонах, потому что телефон был один на весь подъезд, у Зинаиды Павловны, и звонить к ней ходили все по очереди.

На скамейке сидели двое. Он был высокий, в рубашке с закатанными рукавами, и всё время её смешил. Она была маленькая, в платье в горошек, и смеялась так, что скамейка подрагивала. Потом он достал перочинный ножик и стал что-то вырезать на спинке.

– Коля, ты что! – сказала она. – Исполнишь скамейку!

– Не испорчу, – сказал он. – Я её подпишу. Чтобы все знали, чья она.

И вырезал сердечко. Криво, конечно, ножик был тупой. Она ругалась, а сама смеялась. И скамейка тогда поняла одну важную вещь: когда так ругаются, это не всерьёз.

Варя подняла голову.

– Ба. А «Г» это ты?

Бабушка спустила петлю, подхватила её, ничего не ответила и стала рассказывать дальше.

Потом эти двое стали приходить втроём. Третий лежал в коляске и спал. Вернее, днём спал, а по вечерам кричал так, что весь двор знал: у Коли и Гали дочка. Галя качала коляску ногой и сидела на самом краешке, чтобы сразу вскочить. Скамейка тогда выучила ещё одну посадку. Так садятся молодые мамы: вроде сидят, а на самом деле всё время стоят.

Дочка выросла и сама стала прибегать на скамейку. Звали её Лена. Она носила два хвостика и ранец, который был больше неё самой. А однажды, в третьем классе, она принесла из школы циркуль. Оглянувшись, нет ли кого, и нацарапала на сиденье, с правого края: «ЛЕНА 3 Б».

Получилось неровно, буква «Л» вышла кривая, а «Б» вообще уехала вниз. Лена полюбилась своей работой. А потом из подъезда вышла её мама.

Что было дальше, скамейка рассказывать не любит. Скажу только, что Лена потом неделю ходила без циркуля и без мультиков, а надпись так и осталась. Отскоблить её не смогли. Ты её видела, на сиденье справа, как раз там, где ты всегда стоишь коленками.

– Это мама?! – Варя даже подпрыгнула. – Мама скамейку испортила?

– Подписала, – поправила бабушка. – Это разные вещи. Хотя тогда мы, конечно, считали, что испортила.

Шли годы. Скамейку перекрашивали из жёлтой в зелёную, из зелёной в синюю, из синей в коричневую. Однажды её чинили, меняли две доски, и она очень волновалась, что заменят ту, где сердечко. Но рабочий попался понимающий, и сердечко не тронул.

Однажды на ней всю ночь просидела Лена. Ей было шестнадцать, она поругалась с мамой из-за какой-то ерунды, хлопнула дверью и ушла. Никуда, просто вниз, на скамейку. Сидела, обхватив коленки, и редела.

Скамейка не знала, что делать. А в три часа ночи из подъезда вышла Галя. В халате и с двумя кружками чая. Села рядом. Ничего не сказала. Протянула кружку. И они так и просидели до рассвета, молча, пили чай. Скамейка потом долго об этом думала. Оказывается, мириться можно и без слов.

Коля и Галя теперь приходили по вечерам вдвоём, как в самом начале. Только Коля садился уже не сразу, а сначала прислонял к скамейке палочку. А потом он приходить перестал.

Галя ещё долго выходила одна. Садилась с левого края, где сердечко, и проводила по нему пальцем. Медленно, как гладят кого-нибудь по руке. Скамейка в такие вечера старалась быть потеплее, насколько это вообще получается у досок.

Бабушка замолчала. Спицы постукивали. Варя тихонько придвинулась к ней поближе и ничего не спросила.

А потом у Лены родилась дочка. И однажды Галя привела на скамейку девочку, которая сначала забралась на неё с коленками, потом сползла, потом села, потом стала болтать ногами... И скамейка подумала, что вот теперь, кажется, понимает, зачем она пятьдесят лет стоит у этого подъезда. Не для того, чтобы на ней сидели. Сидеть можно где угодно. А для того, чтобы кто-то помнил, как они сидели.

И вот этим летом к скамейке подошли двое в оранжевых жилетах. Один пнул её ногу, другой сфотографировал на планшет.

– Эта под замену, – сказал первый. – По программе благоустройства. Поставим новые, металлические, с подлокотниками.

– А эту куда?

– Как куда. Под списание.

И ушли.

Скамейка всю ночь не спала. Скамейки, если честно, вообще не спят, но в ту ночь она не спала особенно. Ей было не страшно, что её увезут. Она старая, своё отстояла. Ей было страшно за надписи. За кривое сердечко, за «ЛЕНА 3 Б» и ещё за два десятка имён, которые в ней хранились. Новая скамейка будет крепкая и красивая, но она ничего этого знать не будет. А значит, никто не будет знать.

Утром про это узнал Рустам Ильдарович. Он вообще всё во дворе узнаёт первым, потому что встаёт раньше всех. Постоял возле скамейки, покачал головой и пошёл на второй этаж, к Зинаиде Павловне.

О чём они там говорили, скамейка не слышала. Но через полчаса Зинаида Павловна вышла из подъезда в выходном пальто и с сумкой, из которой торчала папка. А рядом шла Галя. Тоже в выходном.

Скамейка хорошо знала эту походку Зинаиды Павловны. Так она шла в девяносто восьмом году, когда во дворе собирались спилить тополя. Тополя, как видишь, до сих пор стоят.

Вечером в чате дома появилось сообщение: «Соседи, кто за то, чтобы старую скамейку у второго подъезда оставить, ставьте плюс». Plusов набралось сорок три. Один минус поставил кто-то из нового дома напротив, который вообще непонятно как попал в этот чат.

Новые скамейки всё равно привезли. С подлокотниками, крепкие, блестящие. Их поставили у песочницы, где мамам с колясками как раз всегда негде было присесть. А старую оставили. Только велели покрасить.

И сегодня утром Рустам Ильдарович её покрасил. В зелёный, как она была когда-то давно, ещё до синего. Красил долго, большой кистью, а потом взял маленькую, вроде твоей, для рисования, и тонко-тонко обвёл каждую надпись. Сердечко, «ЛЕНА 3 Б» и все остальные он оставил некрашеными. Так что теперь они на зелёном видны даже лучше, чем раньше. Светлые, деревянные, как будто их вырезали вчера.

– А почему он так сделал? – спросила Варя.

– А ты его спроси, – сказала бабушка. – Только он не скажет. Пожмёт плечами и скажет: «Так красивее». Он вообще мало говорит. Зато скамейка у нас теперь самая красивая в районе.

А новая, с подлокотниками, стоит у песочницы. Хорошая, крепкая. На ней пока ничего не написано, и она ещё никого не помнит. Ничего. Научится. Лет через пятьдесят.

Бабушка провязала последний ряд и сняла квадратик со спиц. Он был зелёный, ровный и чуть-чуть пах шкафом.

Варя подошла к окну. Внизу горел фонарь, и в его свете было видно скамейку. С четвёртого этажа надписей, конечно, не разглядеть. Но Варя теперь знала, что они там есть.

– Ба, – сказала она, не оборачиваясь. – А можно я там тоже что-нибудь вырежу?

– Нельзя, – сказала бабушка. – Скамейка общая.

Варя вздохнула.

– Лет через десять, – сказала бабушка, разглаживая квадратик на коленке. – Когда будет кого вписать рядом.

Варя покраснела до ушей и сказала, что ей вообще никто не нужен. Бабушка спорить не стала. Только улыбнулась и убрала зелёный квадратик в пакет.

Лужа, которая думала, что она море

В октябре дожди шли через день, а в остальные дни просто собирались. Варя пришла из школы с мокрыми ногами, причём мокрыми по-настоящему: в ботинках хлюпало.

– Это где ж ты так? – спросила бабушка.

– У гаражей, – сказала Варя, стаскивая носки. – Там лужа как море.

– Как море, говоришь?

Бабушка повесила носки на батарею, налила Варе чаю и достала из пакета серо-голубой клубок. Такого цвета бывает небо в октябре, когда оно уже не синее, но ещё и не серое, а что-то среднее, как будто его постирали вместе с джинсами.

– Второй квадратик, – сказала бабушка. – Вот про неё и будет. Про лужу, которая думала, что она море. Только не про нынешнюю, а про прошлогоднюю. Нынешнюю ты сама знаешь, ты в ней сегодня была.

У гаражей, если ты замечала, в асфальте есть ямка. Её обещают заделать уже лет десять. Каждую весну приезжают какие-то люди, смотрят на неё, качают головами и уезжают. Ямка, по-моему, уже считает себя памятником.

Летом в ней ничего интересного нет: песок, сухие листья и пробка от лимонада. Но стоит пойти осеннему дождю, как к утру в ямке появляется лужа.

Вот так она и родилась в прошлом октябре. Ночью шёл дождь, а утром она открыла глаза. У луж, конечно, глаз нет, но ты понимаешь, о чём я. И первое, что она увидела, было небо.

Небо было в ней самой. Прямо внутри. По нему плыли облака, тополь стоял вниз верхушкой, а через всё это пролетел голубь, тоже вверх ногами.

Лужа очень удивилась. А потом подумала. А подумав, сделала вывод.

«Во мне помещается целое небо, – рассудила она. – Значит, я глубокая, как небо. А что бывает такое глубокое? Только море. Значит, я море».

Вывод был очень логичный. А спорить с ней никто не стал, потому что с лужами вообще никто не разговаривает.

И зажила лужа морской жизнью.

Прилетел воробей, залез в неё по брюшко и стал купаться, растопырив крылья и брызгаясь во все стороны. Лужа решила, что это кит. Какой же ещё зверь станет так плескаться в море? Только кит.

Пришли голуби, попили из неё, покивали головами. «Корабли пришли на водопой», – решила лужа. Корабли у неё вообще получались из всего. С тополя упал жёлтый лист и поплыл. «Парусник», – сказала лужа. Ветер принёс фантик. «Торговое судно, – сказала лужа. – С грузом конфет».

Машины, которые ехали к гаражам, сбавляли перед ней скорость. Лужа считала, что это из уважения.

Кошка Дуся обходила её по самому краю, брезгливо поднимая лапы. Лужа решила, что Дуся её боится. Ну а как же. Кошки ведь всегда боятся моря.

А однажды мимо шла Зинаида Павловна. В бежевом пальто, с сумкой из магазина. И как раз в эту минуту к гаражам свернула машина. Не сбавила. Прямо по луже.

Что тут было! Брызги взлетели выше Зинаиды Павловны. Пальто стало из бежевого в крапинку. Зинаида Павловна сказала водителю всё, что о нём думает, и даже немножко больше. Водитель извинялся из окошка, но было поздно.

А лужа была счастлива.

«Шторм! – ликовала она. – У меня был настоящий шторм! Волна выше человека!»

Зинаида Павловна, конечно, так не считала. Но её никто не спрашивал.

А ночью у лужи было своё небо. Ночное.

Во дворе гасли окна, одно за другим. Сначала на первом этаже, потом на втором, потом на третьем. Дольше всех горело окно на четвёртом. Там одна девочка никак не хотела спать и просила ещё одну сказку. Лужа видела это окно в себе, жёлтое, квадратное, и считала его своим маяком.

Потом гасло и оно. И тогда в луже зажигались звёзды. Немного, штук пять, больше в городе не видно. Ещё фонарь. И кусочек луны, если повезёт.

Лужа лежала тихо-тихо, чтобы не расплескать звёзды.

И тут пришёл Тузик из четвёртого подъезда. Его как раз вывели на ночную прогулку. Тузик сунул нос в лужу и начал лакать. Звёзды запрыгали, заплясали и разбежались кто куда. Лужа чуть не умерла от ужаса.

– Фу! – сказала хозяйка Тузика. – Из лужи нельзя!

Тузика увели. Вода успокоилась. И звёзды, одна за другой, вернулись на свои места. Все пять. Лужа пересчитала.

«Вот, – подумала она. – Даже звёзды ко мне возвращаются. Ну какая я после этого лужа?»

Потом в лужу пришла девочка. Ей тогда было семь лет, и в школе ей ещё не ставили оценок.

– Ну, ты-то знаешь, кто это, – сказала бабушка.

– Знаю, – сказала Варя.

Девочка принесла кораблик. Сложила его из бесплатной газеты, которую кто-то всё время кладёт в почтовые ящики. Кораблик получился хороший, острый, с надписью на боку: «Скидки на окна». Девочка поставила его на воду и подула.

Лужа замерла от восторга. Настоящий корабль! Не лист, не фантик. Сделанный руками, с надписью, со всем.

Кораблик поплыл. Медленно, важно, через всё небо, мимо отражения тополя. Девочка шла за ним по краю и дула. Лужа держала его изо всех сил, хотя держать воде особенно нечем.

Но газета есть газета. На середине кораблик намок, наклонился и начал тонуть. Девочка охнула, шагнула за ним прямо в лужу, выхватила его, и в ботинках у неё захлюпало.

Ну, ты знаешь, как это бывает.

А лужа была на седьмом небе. Вернее, седьмое небо было в ней.

«В меня вошёл человек, – думала она. – Значит, я точно море. В лужу ведь никто специально не заходит. А в море заходят».

И вот однажды на лужу села чайка.

Ты знаешь, у нас в городе чайки есть, они прилетают с озёр. Белые, большие, с жёлтыми клювами. И кричат так, будто над кем-то смеются.

Чайка походила по краю, попила, сморщилась и сплюнула.

– Пресная, – сказала она.

– Простите? – сказала лужа.

– Вода, говорю, пресная. Ты кто такая?

– Я море, – сказала лужа.

Чайка посмотрела на неё одним глазом. Потом другим. А потом засмеялась своим чайным смехом, так что голуби разлетелись.

– Море! – кричала чайка. – Ой, не могу! Море! Да ты знаешь, какое море? Море до самого горизонта! В нём рыбы! Корабли с меня ростом! Нет, выше гаражей! Волны такие, что дух захватывает! И вода солёная! А в тебе что? Фантик и пробка от лимонада!

Лужа ничего не ответила. Ей стало очень обидно, а когда лужам обидно, они просто становятся немного темнее.

– А вы сами море видели? – тихо спросила она.

Чайка перестала смеяться и почистила перо.

– Сама не видела, – сказала она. – Но мне дедушка рассказывал. А дедушке его дедушка. И улетела.

Знаешь, это очень частая история. Кто громче всех смеётся над чужой мечтой, тот часто и сам видел её только на картинке. Но лужа этого ещё не знала.

После этого лужа решила доказать. Всем: и чайке, и голубям, и Зинаиде Павловне.

«Надо стать больше, – думала она. – Если я стану очень большой, никто не посмеет сказать, что я не море».

И как будто кто-то её услышал. Три дня подряд шёл дождь. Не сильный, но упрямый, такой, который всё не кончается и не кончается. Лужа росла. Сначала она дошла до бордюра, потом до первого гаража, потом подобралась к воротам второго.

Хозяин второго гаража, дядя Серёжа из третьего подъезда, вышел утром, посмотрел на свои ворота, которые стояли в воде, и сказал слово, которое я повторять не буду.

Потом он принёс кирпичи и выложил через лужу дорожку. Кирпич, шаг, кирпич, шаг.

Лужа была вне себя от гордости.

«У меня мост! – думала она. – Через меня строят мосты! Через лужи мосты не строят! Только через моря!»

Строго говоря, через моря мосты тоже не очень-то строят. Но лужа в этом не разбиралась.

Мальчишки прыгали по кирпичам, кто-то промахивался и с визгом наступал в воду. Лужа считала, что это высадка десанта. Это была её лучшая неделя.

А потом пришла первая ночь с морозом.

Ты помнишь, как это бывает в конце октября. Вечером вроде ничего, а утром трава вся белая, и изо рта идёт пар.

Лужа проснулась и не смогла пошевелиться. Сверху на ней лежала тонкая, мутная корочка. Неба больше не было видно. Вместо неба было что-то белёсое, в трещинках и пузырьках.

«Что со мной? – испугалась она. – Я заболела?»

Пришли мальчишки из школы и стали топтать по корке каблуками. Лёд хрустел и трескался. Мальчишкам было очень весело. Луже нет.

Днём солнце корочку растопило. Но лужа заметила, что стала меньше. До ворот гаража она больше не доставала. Кирпичи дяди Серёжи торчали теперь из сухого асфальта, как ступеньки в никуда.

Потом было ещё два морозных утра. Потом подул сухой ветер. Лужа уменьшалась и уменьшалась. В ней теперь плавало столько листьев, что неба почти не было видно. Она перестала отражать голубей. Она вообще мало что отражала.

«Чайка была права, – думала лужа. – Никакое я не море. Я даже уже не лужа. Я так, мокрое место».

Мимо прошла Зинаида Павловна, в чистом пальто. Посмотрела на ямку и сказала:

– Ну наконец-то просохло.

Луже было очень грустно это слышать.

А потом наступило ясное утро. Первое за много дней. Холодное, синее, с солнцем.

Солнце пригрело ямку у гаражей. И вдруг лужа почувствовала, что ей становится легко. Очень легко. Так легко, как ещё никогда не было.

Она поднималась.

Не вся сразу, а по капельке, тонким, еле заметным парком, какой бывает над асфальтом после дождя. Она поднималась выше гаражей, выше тополя, выше пятого этажа. Внизу остался двор, крошечный, как на карте: скамейка, качели, крыша второго подъезда.

А наверху было небо. То самое, которое она столько дней носила в себе. Только теперь не она была в нём, а оно было вокруг неё.

Лужа стала облаком.

Ну, не целым облаком, конечно, а его маленьким кусочком. Но кусочком очень гордым.

Облако долго плыло. Ветер гнал его над городом, над полями, над рекой, над лесами, которые с высоты были похожи на мох. Оно проплывало над другими дворами, где были свои лужи, и каждая думала, что она море. Облако смотрело на них сверху и не смеялось. Оно-то теперь знало.

И говорят, что через много дней это облако доплыло до самого настоящего моря. Широкого, до горизонта, с волнами и кораблями. Ни один дедушка ни одной чайки такого не видел. А облако увидело.

И там оно пролилось дождём.

Прямо в море.

Так лужа и стала морем. По-настоящему. Ей только пришлось для этого сначала высохнуть, а потом долго лететь. Но кто сказал, что стать морем легко?

– А нынешней осенью в ямке у гаражей снова лужа, – сказала бабушка. – Та это или другая, я не знаю. Может, это прошлогодняя вернулась с моря, ей, наверное, есть что рассказать. А может, совсем новая, и думает, что это она первая догадалась, что она море. Лужи вообще все так думают. И, если честно, они правы. Просто они ещё маленькие моря. Недоросшие.

Бабушка закрыла ряд и сняла квадратик со спиц. Серо-голубой, как вода у гаражей.

– Значит, я в море наступила? – спросила Варя.

– Значит, в море, – сказала бабушка. – Носки, кстати, ещё мокрые. А кораблик у тебя сегодня был из чего?

– Из тетрадки, – сказала Варя.

– Из какой тетрадки?

Варя посмотрела в окно.

– По русскому.

– А страница какая была?

Варя вздохнула. Врать бабушке не имело смысла, она всё равно узнает.

– Где тройка.

Бабушка засмеялась так, что чуть не уронила спицы.

– Ну, тогда пусть плывёт, – сказала она. – До самого моря.

Метла Рустама Ильдаровича

В середине октября тополя во дворе облетели все разом, как будто сговорились. Листья лежали везде: на дорожках, на капотах машин, на козырьке подъезда и даже на подоконнике у Зинаиды Павловны, хотя она живёт на втором этаже.

Варя пришла домой какая-то тихая. Разделась, помыла руки и не стала рассказывать, что было в школе. Бабушка подождала немножко и спросила сама.

– Мы сегодня с девочками в кучу прыгали, – сказала Варя. – В листья. Которые Рустам Ильдарович сгрёб. А он увидел.

– И что?

– Ничего. Головой покачал. Ба, он обиделся?

Бабушка достала из пакета клубок цвета ржавчины, такой рыжий с жёлтым, и стала набирать петли.

– Он-то нет, – сказала она. – Он на детей не обижается. А вот метла его, знаешь, очень даже обиделась. По крайней мере сначала.

Рустам Ильдарович метлы делает сам. В магазине, говорит, разве метла. Одно название.

Каждый год в июне, когда берёза в самой силе, он уезжает на электричке за город и возвращается с огромной охапкой берёзовых прутьев. Сушит их в тени, на балконе, связывает проволокой, насаживает на черенок, и получается метла. Настоящая. Крепкая, упругая, пахнущая лесом.

Метла, про которую я тебе рассказываю, родилась прошлым летом. Осень эта была у неё первая. И очень скоро стало понятно, что характер у неё строгий.

Она любила порядок. Нет, не так. Она порядок обожала. Для неё не было ничего красивее, чем чисто выметенная дорожка, на которой ни соринки. Она считала листья. Честное слово. Ей казалось, что если знаешь, сколько смела, то и работа как будто настоящая.

«Вчера одиннадцать тысяч четыреста двенадцать, – говорила она себе, засыпая в подсобке. – Сегодня двенадцать тысяч восемьдесят. Неплохо».

И ещё она очень гордилась своим происхождением.

– Меня не в магазине купили, – говорила она. – Меня сделали руками. Из берёзы. Чувствуете запах?

В подсобке, где она жила, ночевали ещё лопаты, грабли, ведро и тачка. Лопаты чувствовали запах, но им было всё равно, потому что до зимы они спали.

Работали метла с Рустамом Ильдаровичем рано утром, в пять часов, когда весь двор ещё спит. Шурх-шурх, шурх-шурх. Ни одного окна не горит, только фонари. И вот тут я тебе скажу одну вещь про работу дворника, которую метла поняла очень быстро.

Если подмести хорошо, никто этого не заметит.

Люди выходят утром из подъездов, идут по чистой дорожке на работу, в школу, в магазин и даже не думают о том, что час назад тут лежали листья. Замечают, только когда не подметено. Вот тогда да. Вот тогда все сразу видят.

Метлу это немножко обижало. А Рустама Ильдаровича нет. Он вообще ни на что не обижался. Мёл себе и мёл.

– Так и надо, – говорил он, когда она тихонько ворчала у него в руках. – Чисто, значит, никто не думает. Значит, всё в порядке.

Вслух он, конечно, этого не говорил. Он вообще говорит мало. Но метла его понимала и без слов. Когда долго работаешь вместе с кем-нибудь, начинаешь понимать без слов.

В этом сентябре в подсобке появился новый жилец.

Его привезли из управляющей компании, в коробке с картинками. Оранжевый, блестящий, с длинной трубой и с мотором. Называлось это воздуходувка.

Воздуходувка с первой минуты дала понять, кто тут главный.

– Я современная! – заявила она. – Знаете, сколько я стою? Двадцать минут, и весь двор чистый! Я сдуваю листья ветром! Как ураган!

Потом она посмотрела на метлу.

– А это что? Прутики? Прошлый век.

Метла промолчала. Она была гордая. Но ночью долго не могла уснуть, а это для метлы, знаешь, необычно.

Утром Рустам Ильдарович вынес воздуходувку во двор и дёрнул за шнурок. Она заревела так, что у Зинаиды Павловны на втором этаже открылась форточка. Листья полетели во все стороны. Часть полетела, куда надо. Часть полетела на капоты машин. Часть полетела обратно на дорожку. Одна куча улетела Зинаиде Павловне в форточку.

Зинаида Павловна сказала, что это безобразие, и что в семь утра так шуметь нельзя, и что она пожалуется. Рустам Ильдарович выключил воздуходувку, поставил её у стены и взял метлу.

Шурх-шурх.

– Это она просто ещё не привыкла, – объясняла вечером воздуходувка лопатам. – Это бабушка такая отсталая. Прогресс не остановить.

Лопаты спали.

А в октябре начался настоящий листопад.

Работы стало столько, что метла перестала считать. Листья падали быстрее, чем она успевала их сметать. Но она всё равно гордилась собой, потому что научилась делать кучи.

Ты видела, какие у Рустама Ильдаровича кучи? Ровные, круглые, высокие, по краю дорожки, на одинаковом расстоянии друг от друга, как солдаты в строю. Метла каждую кучу считала своим произведением. Как скульптор считает статую.

И вот однажды после обеда к одной такой куче подбежали три девочки из второго класса. Постояли. Переглянулись. А потом одна из них, самая шустрая, разбежалась и прыгнула в кучу прямо с ранцем.

Варя слегка покраснела и уставилась в чашку.

Остальные прыгнули следом. Листья взлетели фонтаном. Девочки визжали, кидались листьями, зарывались в них по шею. За пять минут от прекрасной кучи осталось рыжее пятно на полдорожки.

Метла стояла у тополя и смотрела на это. Она дрожала от возмущения всеми своими прутиками.

«Варвары! – думала она. – Настоящие варвары!»

Она не знала, что одну из них и правда зовут Варя.

Варя хихикнула, но тут же сделала серьёзное лицо.

Вечером в подсобке был скандал.

– Видели? – говорила метла. – Нет, вы видели? Полдня работы! Полдня! Это же разбой!

– А я что говорила, – радовалась воздуходувка. – Вот поэтому надо дуть, а не грести! Сдула в кусты, и никаких куч. Не во что прыгать. Нет кучи, нет проблемы.

Метла посмотрела на неё и впервые подумала, что вообще-то у кустов тоже есть хозяин и он тоже потом будет их выгребать. Но промолчала.

А Рустам Ильдарович ей тогда ничего не сказал. Он только покачал головой, ну, ты видела как. Метла решила, что это он так сердится на девочек.

Но это было не так.

На следующий день пошёл дождь. Холодный, осенний, на весь день. Листья намокли, стали тяжёлыми и прилипли к асфальту, как приклеенные.

Утром Рустам Ильдарович вынес воздуходувку. Дёрнул шнурок. Она заревела, подула на мокрые листья. Листья не пошевелились. Она подула сильнее. Листья лежали. Она подула изо всех сил, закашлялась, чихнула и заглохла.

Рустам Ильдарович подождал. Дёрнул ещё раз. Ничего. Поставил её под козырёк и взял метлу.

Мокрые листья, знаешь, только берёзовая метла и берёт. Пластиковая скользит, а берёзовая цепляет каждый листок и тащит. Шурх-шурх. Метла работала и чувствовала, что вот сейчас она нужна, как никто.

Вечером она была очень довольна.

– Прошлый век, говоришь? – сказала она в подсобке.

Воздуходувка обиженно молчала. С неё ещё капало.

Но я тебе эту сказку рассказываю не про то, кто победил. Это, в общем, не так интересно. Я про другое.

После дождя опять подморозило, листья подсохли, и Рустам Ильдарович снова сгрёб кучи. И опять после школы прибежали девочки. И опять прыгнули.

Метла стояла у тополя, вся сжатая от злости, и ждала, что сейчас Рустам Ильдарович выйдет из подсобки и скажет им всё, что думает.

Он вышел. Посмотрел на девочек. И вдруг засмеялся. Тихо, себе под нос, но засмеялся. Метла даже не знала, что он умеет.

Потом он подошёл к ней, взял её в руки и сказал. Вслух. Он, знаешь, иногда разговаривает со своей метлой, когда думает, что никто не слышит.

– Ну что ты, – сказал он. – Видела, как смеются? Это же хорошо. Куча для того и куча.

Метла не поняла.

– Мы с тобой зачем работаем, думаешь? – сказал Рустам Ильдарович. – Чтобы чисто было? Чисто, это не главное. Главное, чтобы людям хорошо было. Чтобы мама с коляской

проехала. Чтобы бабушка не поскользнулась. Чтобы девочка до школы добежала и ноги не промочила. А сейчас вон им хорошо. Значит, и мы с тобой хорошо работаем.

Он помолчал.

– У меня внуки в Уфе, – сказал он. – Двое. Тоже в листья прыгают. Я им каждую осень звоню, а они мне в телефон кричат: дедушка, мы в куче! Я потом весь день хожу довольный.

Потом он вздохнул и пошёл сгребать кучу заново.

Метла после этого долго думала.

Ей всегда казалось, что смысл её жизни в чистоте. В ровных дорожках. В красивых кучах. А теперь выходило, что дорожки не сами для себя ровные, а для того, чтобы по ним ходили. И кучи не для того, чтобы ими любоваться.

На следующее утро она работала и смотрела не на листья, а на людей. Вот прошла мама Милы с коляской, и колёса ни разу не застряли. Вот вышла Зинаида Павловна, в пальто, с сумкой, и ни разу не поскользнулась на мокром. Вот пробежала в школу девочка с ранцем, сухая, в чистых ботинках.

Никто из них не посмотрел на метлу. Никто не сказал спасибо.

Но метле почему-то было хорошо. Как будто они всё-таки сказали.

А в последний день листопада случилось вот что.

Наутро должна была прийти машина, чтобы вывезти листья. Рустам Ильдарович сложил их не в мешки и не по краю дорожки, а в одну огромную кучу у детской площадки. Такую большую, какой во дворе ещё никогда не было. Метле пришлось работать до самого обеда.

Потом он прислонил её к тополи и сел на краешек скамейки. На минутку. Как всегда.

После школы прибежали дети. Не три девочки, а, по-моему, весь второй класс. Увидели кучу, ахнули и кинулись в неё всем табуном.

А одна девочка, самая шустрая, вдруг подбежала к тополи, где стояла метла.

– Рустам Ильдарович, – спросила она, – можно?

Он кивнул.

И девочка схватила метлу, села на неё верхом и понеслась по двору с криком: «Я Баба-Яга!» За ней понеслись остальные. Метла подпрыгивала по асфальту и ничего не понимала. Её никогда в жизни не использовали как летательный аппарат.

Но, ты знаешь, ей понравилось. Она вспомнила, что метла вообще-то у Бабы-Яги главная вещь, без неё никуда, и что это, в общем, очень уважаемая работа.

А потом девочки, набегавшись, бросили её прямо в кучу. Метла упала на спину, в листья, и впервые в жизни ничего не делала.

Она лежала и смотрела вверх. Над ней был тополь, голый, чёрный, с одним последним листком на самой верхушке. Сквозь ветки светило небо. На неё сыпались листья, которые подкидывали дети, и падали ей на прутья, и она их не считала.

Метла лежала и думала, что вот, оказывается, как они выглядят снизу. Листья. Она столько их смела, а снизу ни разу не видела.

Минут через десять Рустам Ильдарович подошёл, достал её из кучи и отряхнул.

– Ну что, – сказал он. – Отдохнула?

И они пошли работать дальше.

– А воздуходувка? – спросила Варя.

– Воздуходувка стоит в подсобке на полке, – сказала бабушка. – После того дождя её достают редко, только летом, когда сухо. Но она не унывает. Она до сих пор рассказывает лопатам, как за двадцать минут может весь двор. Лопаты, правда, её не слушают. Им до зимы ещё спать. А метлу ты весной увидишь. Рустам Ильдарович её не поменяет, хоть она и разносилась. Говорит, разношенная метла как валенок. Лучше новой.

Бабушка закрыла квадратик. Он получился рыжий, с жёлтыми и бурыми полосками, как куча листьев, если посмотреть на неё сверху.

– Ба, – сказала Варя. – А можно мы завтра поможем ему грести? Я, девочки. А потом прыгнем.

– Вот это правильно, – сказала бабушка. – Сначала сгрести, потом прыгнуть. Так все и живут.

Банка малинового варенья

В ноябре темнеет так рано, что, когда Варя возвращается из школы, во дворе уже горят фонари. Небо серое, деревья голые, снега ещё нет. Самое скучное время в году. Даже бабушка так говорит.

В тот вечер Варя пришла и легла на диван лицом к стенке. Прямо в школьной форме.

– Что случилось? – спросила бабушка.

– Ничего.

– А всё-таки?

– С Дашей поссорилась. И по математике четыре, а должно было быть пять, просто я плюс с минусом перепутала. И вообще.

– Что вообще?

– Вообще ничего не хочется, – сказала Варя стенке. – Даже мультики.

Бабушка постояла, подумала и ушла на балкон. Варя слышала, как там скрипнула дверца шкафа и звякнуло стекло. Потом бабушка вернулась на кухню и поставила на стол банку.

Варя повернулась посмотреть. И сразу села.

На банке была наклейка, бумажная полоска, а на ней бабушкиным почерком было написано: «Малина. На Новый год».

– Ба! – сказала Варя. – Это же на Новый год!

– На Новый год, – согласилась бабушка и взялась за крышку. – А сегодня такой вечер, что можно.

Крышка сказала «чпок». И на кухне вдруг запахло июлем.

– Иди чай пить, – сказала бабушка. – А я тебе пока расскажу, как эта банка нас дождалась. Квадратик будет малиновый, сама понимаешь.

Банка была самая обыкновенная, пол-литровая, с закручивающейся крышкой. Когда-то давно в ней продавались магазинные помидоры. Помидоры съели, а банку бабушка вымыла и поставила в шкаф.

Банки у бабушек, ты знаешь, не выбрасывают. Банки у бабушек живут долго, как черепахи. Их моют, ставят в шкаф, достают, наполняют, ставят на полку, открывают, моют и снова ставят в шкаф. И так много лет.

Эта банка стояла в шкафу всю весну и половину лета. Ждала.

А в июле мы с тобой поехали в сад за малиной.

– Помню! – сказала Варя.

– Ещё бы ты не помнила. Ты тогда в бидончик клала одну, а в рот две.

Варя засмеялась и чуть не подавилась чаем.

Малины в тот год было столько, что кусты гнулись. Мы собрали три бидончика и ещё полную кепку, твою, с ушками. А потом я варила варенье в медном тазу. Этот таз ещё моей мамы, твоей прабабушки. Варенье в нём получается особенное, потому что медь, говорят, помнит всё варенье, которое в ней когда-нибудь варили.

Ты сидела рядом с ложкой и ждала пенки. Розовых, сладких, горячих. Пенки, как известно, самое вкусное в варенье. Их нельзя положить в банку, их можно только съесть прямо с шумовки, обжигаясь и дуя.

А банка в это время переживала самый страшный момент в своей жизни. Её мыли с содой, ошпаривали кипятком и держали над чайником, в горячем пару. Банка думала, что всё, конец. А это, оказывается, так готовят к варенью. Чтобы было чисто, как в больнице.

Потом в неё налили горячую малину. Закрутили крышку. Перевернули вверх дном и укрыли старым одеялом.

Банке было тепло, темно и сладко. Она лежала под одеялом и думала, что ей снится сон. Очень хороший.

Утром бабушка сняла одеяло и наклеила на банку полоску бумаги. Взяла ручку и написала. Банка покосилась на свой бок и прочитала. Банки, если ты не знала, умеют читать надписи на себе, только задом наперёд.

«Малина. На Новый год».

Банка замерла.

На Новый год!

Не на четверг, не на просто так, не на завтрак с блинчиками. На Новый год! На самый главный праздник в году! С ёлкой, с салютом, с гостями, с подарками!

«Значит, я особенная, – подумала банка. – Меня берегут. Я для особого случая».

И с этой минуты она начала очень себя уважать.

Банку поставили на балкон, в высокий шкаф, где у бабушки хранятся заготовки. Там на полках стояла целая компания.

Огурцы, солёные, зелёные, в трёхлитровой банке, весёлые и хрустящие. Они всё время шутили, и шутки у них были тоже хрустящие.

Лечо, красное, острое, с характером. Лечо всё время с кем-нибудь спорило.

Кабачковая икра, скромная, в маленьких баночках. Она ни с кем не спорила и почти не разговаривала.

Яблочный компот в огромной банке на нижней полке. Его все звали дядя Компот. Он был большой, медленный и всё время дремал.

Малиновое варенье поставили на верхнюю полку. Отдельно. На самое видное место.

– Здравствуйте, – сказали огурцы. – Ты к нам надолго?

– Я на Новый год, – сказала банка.

Это прозвучало так, что даже лечо замолчало.

Сначала забрали огурцы.

Был обычный четверг. Обычный ужин. Варёная картошка. Бабушка пришла на балкон, взяла трёхлитровую банку и унесла.

– Ну надо же, – сказала малиновая банка, глядя им вслед. – Четверг. Картошка. Как это... обыкновенно.

Через две недели забрали лечо. Папа уезжал на вахту, на Север, на целый месяц, и перед отъездом мама жарила котлеты, а к котлетам нужно было лечо.

– Ну, это хоть какой-то повод, – сказала банка. – Но всё равно не Новый год.

Потом унесли дядю Компота. Просто так, в воскресенье. Никакого повода. Варя попросила компота, и всё.

– Просто так! – ужасалась банка. – Его открыли просто так! Бедный дядя Компот. Прожить всю жизнь и быть выпитым просто так, в воскресенье.

Потом унесли две баночки кабачковой икры. Потом ещё одну.

А малиновое варенье стояло на верхней полке и ждало своего часа.

Но тут стало происходить кое-что непонятное.

Банки возвращались.

Пустые, вымытые, с открытыми горлышками. Бабушка ставила их обратно в шкаф, на нижнюю полку, до следующего лета. И банки рассказывали.

– Ой, что было! – говорила банка из-под огурцов. – Папа как попробовал, так и говорит: вот это огурчики! Вот это я понимаю! А Варя хрустела на всю кухню, а бабушка смеялась, что её в школе по хрусту найдут!

– А меня, – рассказывала банка из-под лечо, – папа взял с собой на Север. Ну, не меня саму, а то, что во мне было. Мама переложила в контейнер. Он сказал, что будет там вспоминать дом.

Даже дядя Компот, когда вернулся, вдруг проснулся и сказал:

– А меня выпили просто так. В воскресенье. Варя выпила три стакана и сказала, что это самое вкусное, что есть на свете. Просто так. Без повода. Я до сих пор не могу успокоиться. Мне очень понравилось.

Малиновая банка слушала это всё и почему-то не радовалась. Ей нечего было рассказать. Она стояла на верхней полке на самом видном месте, и на неё никто не смотрел.

«Ничего, – говорила она себе. – Зато я на Новый год. Подождём».

Один раз, в октябре, на балкон тихонько пробралась девочка. Одна, без бабушки. Открыла шкаф, встала на цыпочки и сняла малиновую банку с верхней полки.

Банка обмерла. Девочка держала её в руках, смотрела на свет, на тёмные ягоды внутри, и уже взялась за крышку. А потом прочитала наклейку. Постояла. Вдохнула так, что запотело стекло. И поставила банку обратно, на самое видное место. И ушла.

Банка после этого целый день стояла гордая. Вот, даже девочка понимает. Её берегут на Новый год. Только почему-то от этой гордости было немножко не по себе. Как будто кто-то очень хотел малины, а ему не дали. И это из-за неё.

А потом однажды бабушка полезла на самую дальнюю полку, за старыми банками, искала там что-то. И подвинула одну банку, которая стояла в глубине, за всеми.

Малиновая банка её раньше не замечала. Её вообще никто не замечал.

Это была банка вишнёвого варенья. Очень старая. Наклейка на ней пожелтела и отклеилась с одного уголка. А само варенье стало мутным, а сверху у него лежала белая корочка, как иней.

– Вы кто? – спросила малиновая банка.

– Я вишня, – сказала старая банка, медленно, хрипловато. – Три года назад. Меня тоже берегли. На особый случай.

– А какой? – спросила малиновая банка.

– Не знаю, – сказала вишня. – Никто не знал. Все ждали какой-нибудь особенный. А он всё не наступал. Потом про меня забыли. Видишь? Засахарилась.

Малиновая банка посмотрела на белую корочку. И ей стало страшно.

Потому что в эту самую минуту она почувствовала, что внутри неё, на самом дне, появилась первая крошечная крупинка сахара. Твёрдая, как песчинка.

Так всегда начинается. С одной крупинки.

Целую неделю малиновая банка не могла думать ни о чём другом.

«А вдруг меня не откроют на Новый год? – думала она. – Вдруг найдётся что-нибудь более особенное? Торт, например. Или мандарины. И меня оставят до следующего Нового года. А потом до следующего. А потом я стану как вишня».

Крупинка на дне никуда не девалась. Кажется, рядом с ней появилась вторая.

«И вообще, – думала банка, – а что такое особый случай? Огурцы ушли в четверг, и у них был особый случай. Компот ушёл просто так, и у него был особый случай. А я жду, жду, и у меня его нет».

Это были очень непривычные мысли. Банка не знала, что с ними делать.

А потом наступил тот самый ноябрьский вечер.

Серый, тёмный, без снега. Банка слышала через балконную дверь, как в квартиру пришла девочка, как упал на пол ранец, как скрипнул диван. И как стало тихо. Нехорошо тихо. Такая тишина бывает, когда кому-то очень грустно.

Потом открылась дверь балкона. Бабушка вошла, открыла шкаф и долго смотрела на полки.

А потом взяла малиновую банку.

«Как? – испугалась банка. – Но ведь ещё не Новый год! Ещё полтора месяца! Тут же написано! Вы что, не читали?»

Бабушка прочитала. Улыбнулась. И понесла банку на кухню.

На кухне на диване лежала девочка, лицом к стенке. И бабушка, ставя банку на стол, сказала. Может, девочке, а может, самой себе:

– Особый случай, это ведь не число в календаре. Особый случай, это когда кому-нибудь очень нужно.

И открыла крышку.

Чпок!

И банка вдруг почувствовала, как из неё на кухню выходит июль. Весь. Солнце, жара, малиновые кусты, кепка с ушками, медный таз, розовые пенки, смех. Всё, что она сохранила в себе за эти месяцы, выходило теперь наружу и наполняло тёмную ноябрьскую кухню.

Девочка повернулась. Посмотрела. Села.

Потом была ложка. Потом чай. Потом девочка начала рассказывать. Сначала про Дашу, потом про плюс и минус, а потом уже про всё подряд и даже смеяться.

И банка поняла. Вот это он и есть. Особый случай. Не салют, не ёлка, не гости. Просто девочке было грустно, а теперь нет.

Вот и всё. Ничего такого. А банке почему-то показалось, что лучше с ней ничего никогда не случалось.

– Дальше ты сама знаешь, – сказала бабушка. – Банку доедят, вымоют и поставят на нижнюю полку. И она будет рассказывать остальным, как это было. И знаешь, что она скажет вишне?

– Что? – спросила Варя с малиновыми губами.

– Она скажет: «Не жди». А завтра я достану вишню, растоплю, как следует, и испеку пироги. Засахаренное варенье, между прочим, в пирогах самое лучшее. Так что и у вишни будет свой особый случай. Просто попозже.

Бабушка закрыла квадратик. Он получился малиновый, тёмный, с одной светлой ниточкой посередине, как будто солнце заглянуло в банку.

– Ба, – сказала Варя. – А на Новый год что будет?

– А на Новый год будет Новый год, – сказала бабушка. – Он и без варенья особенный.

Варя подумала, взяла ручку, отлепила старую наклейку с банки и написала на чистом краешке новую.

Бабушка надела очки и прочитала: «Малина. Когда кому-нибудь грустно».

– Вот, – сказала Варя. – Так правильное.

– Так правильное, – согласилась бабушка.

Кошка Дуся, хозяйка двора

В конце ноября Зинаида Павловна уехала к сестре в Курган. На месяц. А кошку Дусю оставила Варя с бабушкой.

Это было целое событие. Зинаида Павловна пришла вечером с Дусей на руках, с мешком корма, с миской, с лотком и с листочком, на котором было написано, когда Дусю кормить, чем кормить и что ей ни в коем случае нельзя. Листочек был длинный. Мама прочитала его два раза и прицепила на холодильник магнитом.

– Она у меня гордая, – сказала Зинаида Павловна на прощание. – Вы на неё не обижайтесь.

Дуся трёхцветная: рыжая, белая и чёрная, пятнами, как будто её раскрашивали три разных человека и не договорились между собой. И толстая. Зинаида Павловна говорит, что не толстая, а солидная.

Первые дни Дуся жила у них так, будто её здесь нет. Потом случилась история со снегом, про которую речь впереди. А после неё Дуся стала вести себя совсем по-другому. Она обошла всю квартиру, медленно, с поднятым хвостом. Понюхала все углы, посидела на всех стульях, попробовала Варину кровать, мамино кресло и папины тапочки, пока папа на вахте. А потом пришла в комнату, где бабушка вязала, и улеглась прямо в пакет с клубками. Как будто так и надо.

– Ба, – прошептала Варя. – Она к нам привыкла?

– Привыкла? – бабушка покачала головой. – Нет. Она думает, что это мы у неё в гостях. Дуся открыла один глаз, посмотрела на бабушку и закрыла его обратно.

– Видишь? – сказала бабушка. – Согласна. Ну, раз она тут, значит, квадратик будет про неё. Трёхцветный. Придётся полосками.

Дусе девять лет. Для кошки это солидный возраст, примерно как Зинаиде Павловне. Живёт она на втором этаже, а гуляет во дворе. И вот что ты должна знать про Дусю: она считает, что двор её.

Не Зинаиды Павловны. Не управляющей компании. Не Рустама Ильдаровича. Её.

Каждое утро, ровно в восемь, Дуся выходит из подъезда на обход. Сначала садится на скамейку, на самую середину, где обычно сидит Зинаида Павловна. Это её трон. Посидит, посмотрит, всё ли в порядке. Потом идёт к гаражам. Потом вдоль дома, мимо всех подвальных окошек, в каждое заглянет. Потом на детскую площадку, проверить песочницу. И только потом, если всё в порядке, возвращается домой.

У Дуси во дворе есть подданные.

Голуби. Это её стадо. Ловить она их не ловит, никогда в жизни ни одного не поймала. Но считает. Каждое утро садится у тополя и пересчитывает.

Рустам Ильдарович. Это её слуга. Он подметает двор, чтобы Дусе было удобно ходить. Так она думает.

Пёс Тузик из четвёртого подъезда. Это её враг. Тузик маленький, лохматый и при виде Дуси лает так, будто увидел тигра. Дуся при этом даже не поворачивает головы. Просто садится и начинает умываться. Тузика это доводит до истерики.

А ещё Дуся твёрдо знает, что солнце встаёт, потому что она сидит утром на подоконнике. Что Рустам Ильдарович мёл двор, потому что она за ним присматривала. И что снег пойдёт тогда, когда она разрешит. Пока не разрешала.

И у Дуси есть правило. Самое главное. Хозяйка ни у кого ничего не просит.

Она никогда не мяукает у миски. Зинаида Павловна насыпает корм строго по часам, и Дуся приходит есть, как будто случайно проходила мимо. Она никогда не просится на руки. Если её гладят, она терпит, а потом уходит. Если ей холодно, она ни за что не покажет. Хозяйка выше этого.

– Подожди, – сказала Варя. – Если она теперь у нас, кто будет за двором смотреть?

– Вот, – сказала бабушка. – Вот это Дусю и беспокоило. Слушай, что было.

Когда Зинаида Павловна собирала чемодан, Дуся сразу поняла, что что-то не так. Она ходила за ней по квартире и смотрела. А когда Зинаида Павловна взяла её на руки и понесла к нам, на четвёртый этаж, Дуся решила, что это недоразумение.

В первую же ночь у нас она сидела у входной двери. Сидела и смотрела на дверь. Всю ночь.

Утром мама открыла дверь, чтобы выйти на работу, и Дуся выскользнула. Мимо маминых ног, вниз по лестнице, и в подъезд. И когда кто-то вышел из подъезда, Дуся тоже вышла. На обход. Ровно в восемь.

Мама потом искала её полчаса и опоздала на работу.

Дуся пробыла во дворе весь день.

Она прошла свой обычный маршрут. Скамейка, гаражи, подвальные окошки, песочница. Пересчитала голубей. Проигнорировала Тузика. Посмотрела, как Рустам Ильдарович чистит дорожку.

Всё было на месте. И Дуся была довольна.

Днём Рустам Ильдарович присел на краешек скамейки, на минутку, и достал бутерброд с колбасой. Дуся села рядом. Не близко, конечно. На другом краю. И стала смотреть в сторону.

Рустам Ильдарович отломил кусочек колбасы и положил на скамейку посередине. Дуся даже головы не повернула. Рустам Ильдарович доел бутерброд, встал и ушёл мести. Тогда Дуся очень медленно, как будто случайно, прошла по скамейке, по дороге съела колбасу и села на его место.

Хозяйка ни у кого ничего не просит. Но если ей оставили, это другое дело. Это дань.
«Вот, – думала она. – Без меня тут всё развалится. Хорошо, что я вернулась».

А вечером пошёл снег.

Первый снег в эту зиму. Мелкий, сухой, колючий. Дуся его не разрешала. Но он всё равно пошёл.

Дуся села на скамейку и сделала вид, что ничего не случилось. Что это она сама так придумала. Что так и было задумано.

Потом стемнело. Стало холодно. Дуся пошла к подвальному окошку, где она всегда пряталась, если было холодно. Под домом, знаешь, тепло, там трубы.

А окошко было закрыто.

Управляющая компания каждый год в конце ноября закрывает подвальные окошки на зиму. Решётками и фанерой. Дуся это знала. Но в этот год она как-то об этом забыла. Хозяйки не помнят про такие мелочи.

Она пошла к следующему окошку. Закрыто. К следующему. Закрыто.

Дверь подъезда тоже была закрыта. Домофон. Дуся сидела перед дверью и ждала, что кто-нибудь выйдет или войдёт. Но было поздно, и никто не выходил.

Снег шёл.

Дуся вернулась на скамейку. Сидеть на скамейке было холодно, но это был её трон, и она не собиралась с него слезать.

Снег падал ей на спину. Сначала таял. Потом перестал таять. Дуся сидела и превращалась в маленький трёхцветный сугроб.

Мимо пробежал Тузик со своей хозяйкой. Увидел Дусю и залаял. Дуся даже не повернула головы. Тузик остановился. Перестал лаять. Посмотрел на неё. И почему-то тихонько заскулил.

Хозяйка увела его домой.

Голуби давно спали где-то на чердаке. Двор был пустой, белый, с жёлтыми пятнами фонарей.

Дусе было холодно. Ей было очень холодно и очень хотелось есть. Но она бы ни за что в этом не призналась. Даже себе. Особенно себе.

«Я хозяйка, – думала она. – Мне ничего не нужно. Я просто сижу. Я так хочу».

А на четвёртом этаже девочка стояла у окна.

Она весь вечер выглядывала во двор. Дусю искала и мама, и бабушка, и они звали её у подъезда, и обходили гаражи. Но Дуся, если не хочет, чтобы её нашли, умеет не находиться.

А тут девочка разглядела в свете фонаря на скамейке маленький сугроб с ушами.

– Ба! – закричала она. – Там Дуся!

Они с бабушкой спустились вниз. Бабушка в пальто поверх халата, девочка в куртке поверх пижамы. Подошли к скамейке.

– Дусенька, – позвала бабушка. – Кис-кис. Пойдём домой.

Дуся отвернулась.

– Дуся, – позвала девочка. – Ну пойдём. Холодно же.

Дуся отвернулась в другую сторону.

Бабушка протянула руки, чтобы её взять. Дуся прижала уши и сказала: «Ш-ш-ш». Тихо, но очень понятно. Хозяйку нельзя взять на руки, если она сама не разрешила.

Бабушка вздохнула и выпрямилась. Она знала таких. Не кошек. Людей. Которые замерзают, но не просят. Которые скорее простоят всю ночь, чем скажут: мне плохо, помогите. Таких ничем не заставишь. Можно только ждать.

А девочка подумала, подумала и села на скамейку рядом с Дусей. Прямо на снег.

– Ну и не надо, – сказала она. – Я тогда просто посижу.

И села. И сидела.

Дуся покосилась на неё. Девочка смотрела прямо перед собой и болтала ногами.

Прошла минута. Две. Пять.

Потом девочка сказала, тихо, как будто сама себе:

– Дусь. Мне так холодно. Можно я к тебе прижмусь? Ты же тёплая.

Вот это была совсем другая история.

Дусю никто не просил о помощи. Все хотели помочь ей. Это унижительно. Хозяйке не помогают. А вот если хозяйку просят о помощи, это совсем другое дело. Хозяйка обязана заботиться о своих.

Дуся подумала. Посмотрела на девочку. Девочка была в пижаме и правда дрожала.

«Ну что с ней делать, – подумала Дуся. – Глупая. Выскочила в пижаме. Замёрзнет ещё. Придётся её погреть».

И сама, первая, подвинулась к девочке и привалилась к ней мокрым боком.

Девочка обняла её. Очень осторожно, чтобы не спугнуть. Потом ещё осторожнее подняла и положила к себе за пазуху, под куртку.

Дуся не сопротивлялась. Она грела девочку. Она так решила.

Бабушка ничего не сказала. Только открыла дверь подъезда своим ключом и придержала её.

И Дуся поехала домой на четвёртый этаж, под курткой, мокрая, замёрзшая и очень гордая. Потому что она спасла девочку от холода. Сама. Не просила. Её попросили.

Дома Дусю вытерли полотенцем, и она даже не очень возражала. Потом она съела две миски корма, одну за другой, причём делала вид, что ест исключительно из вежливости.

А потом пришла в эту комнату и легла в пакет с клубками. Где сейчас и лежит.

– И больше не убегала? – спросила Варя.

– Больше не убегала, – сказала бабушка. – Она теперь каждое утро в восемь садится у нас на подоконник и смотрит во двор. С четвёртого этажа, оказывается, всё видно ещё лучше. Можно управлять двором, не выходя из дома. Она это недавно поняла.

Дуся в пакете потянулась, зевнула и поглядела на них с тем выражением, с каким хозяйки смотрят на гостей, которые засиделись.

– Ба, – сказала Варя. – А как ты знала, что я так придумую? Попросить её, чтобы она меня погрела?

– А я и не знала, – сказала бабушка. – Я вот столько лет живу, а до такого не додумалась. Ты сама. Это очень правильно ты придумала. С гордыми только так и можно. Им помогать нельзя. Их можно только попросить помочь.

Она помолчала и добавила:

– Знаешь, Зинаида Павловна тоже, между прочим, никогда ни у кого ничего не просит. Они с Дусей вообще очень похожи.

Варя подумала про Зинаиду Павловну, которая живёт одна на втором этаже. Которая ходит в магазин с тяжёлой сумкой и никогда не просит, чтобы помогли донести. Которая уехала к сестре, потому что сестре надо помочь, но сама, наверное, не попросила бы никогда.

– Ба, – сказала Варя. – А когда она вернётся, можно я её попрошу научить меня что-нибудь? Ну, вот она пироги печёт, я знаю. Можно я попрошу, чтобы научила?

Бабушка посмотрела на Варю долгим взглядом. Таким, каким смотрят на человека, который вдруг вырос за один вечер.

– Можно, – сказала она. – Она очень обрадуется. Только виду не подаст.

Бабушка закрыла квадратик. Он получился в три полоски: рыжую, белую и чёрную. Неровный немножко, полоски разной ширины. Как сама Дуся.

А Дуся тем временем вылезла из пакета, подошла к Варе, понюхала её коленку и улеглась на неё. Сама. Без всякой просьбы.

Но это, конечно, просто потому, что Варя опять замёрзла. Дуся же всё видит.

Варежка на заборе

Перед Новым годом бабушка всегда устраивает большую стирку. Шторы, пледы, все шапки и все варежки. «Чтобы в новый год чистыми войти», – говорит она.

Вот и в этот раз она сидела на диване с тазиком и выворачивала варежки наизнанку. Варины белые, со снежирками, лежали сверху. Бабушка вывернула правую. Потом взяла левую, ту, что со штопкой на ладошке, вывернула и вдруг остановилась.

– Ну-ка, ну-ка, – сказала она. – А это у нас что?

Из большого пальца левой варежки торчало пёрышко. Маленькое, жёлтое, пушистое, совсем лёгкое. Бабушка вытащила его двумя пальцами и положила на ладонь.

– Ой! – Варя прибежала из своей комнаты. – Откуда?

– А ты не догадываешься?

Варя посмотрела на пёрышко. Потом на варежку. Потом опять на пёрышко.

– Не-а.

– Вот, – сказала бабушка. – Ты думаешь, ты всё про свою варежку знаешь. А ты знаешь только, что её три дня не было. А где она была эти три дня и что с ней там было, этого ты не знаешь.

– А ты знаешь?

– А я знаю.

– Откуда?

– Бабушки всё знают, – сказала бабушка и отложила тазик. – Неси белый клубок. И красный. Квадратик будет белый со снежирём. Садись.

Ты, конечно, видела варежку на заборе. Зимой их в каждом нашем городе полно. На штaketнике у школы, на ветке у подъезда, на перилах возле остановки. Висит одна, без пары, и растопырила пустой большой палец.

Это значит, что кто-то её потерял, а кто-то другой нашёл. Поднял из снега и повесил повыше, чтобы хозяин заметил. Тот, кто потерял, об этом ещё не знает. Тот, кто нашёл, уже забыл. А варежка висит и ждёт.

Вот про одну такую варежку я тебе и расскажу.

Её связала бабушка. Белую, из мягкой шерсти, с двумя красными снегирями на тыльной стороне. Вязала она, конечно, сразу две. Варежки рождаются парами, как близнецы. И первое, что каждая из них узнаёт о мире, это что рядом есть вторая.

– Мы Левая и Правая, – сказала Правая, когда бабушка откусила последнюю нитку. – Мы всегда будем вместе.

Так оно и было. Вместе в карманах куртки. Вместе на батарее после прогулки. Вместе на руках у девочки Вари.

Только одна мысль не давала Левой покоя. Варя была правша.

Правой рукой Варя держала ложку и кисточку. Правой махала маме из окна. Правой гладила кошку Дусю и лепила снежки. Правая варежка возвращалась домой мокрая, в снегу и в кошачьей шерсти, и потом весь вечер на батарее рассказывала, рассказывала, рассказывала.

А Левая больше лежала в кармане. Или просто была надета и ничего особенного не держала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.